

Д Ж . Ф Р А У Ч

ИХОР

НЕНАВИСТЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РАЗУМ ХОЧЕТ КОНТРОЛЯ

Дж. Фрауч

Ихор. Книга первая. Ненависть

<https://litres.ru/74239622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон давно принадлежит не людям. Под глянцем новых законов, донорских программ и научных открытий скрывается власть тех, кто пьёт кровь и называет это порядком.

Доктор Альберт Бранаган Риц, талантливый гематолог и ихор, покидает Лондон, чтобы найти Эрмена Маккарти — бывшего главу охотников на вампиров, в прошлом самого ставшего бессмертным.

Эрмен скрывается в Ирландии и давно отрёкся от прошлого. Но когда на побережье начинают находить изуродованные тела, а тьма шепчет древнее пророчество, ему приходится вновь взять в руки меч. Существо, вышедшее на охоту, не похоже ни на одного из вампиров, с которыми он сталкивался прежде. И его появление становится первым знаком: грядёт ненависть.

Содержание

Полевые заметки, А.Б.Р.	4
Глава I Преследуя тень	9
Глава II Призрачный Клык	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дж. Фрауч Ихор. Книга первая. Ненависть

Полевые заметки, А.Б.Р.

Прежде чем приступить к изложению событий, считаю необходимым кратко описать известные разновидности вампиров, а также привести правильное произношение отдельных имён и терминов. Многие из них происходят из древних языков и со временем были искажены.

I. Классификация

Ихóр — принято считать высшей формой вампиризма. Слово происходит от древнегреческого и означает «*кровь богов*», прозрачную нетленную жидкость, текущую в венах вместо обычной человеческой крови. На самом деле в жилах ихоров течёт такая же кровь, кардинально отличаются лишь её свойства. Внешне практически неотличимы от людей. Обладают выраженной регенерацией тканей, значительно превосходящей человеческую. Старение происходит крайне медленно, естественная смерть не наступает вовсе, из-за чего вид относится к бессмертным. Способны управлять собственной кровью и плотью, формируя из них оружие

для нападения и защиты. Наиболее опасный и вместе с тем наиболее организованный вид.

Варг — принято считать низшей формой вампиризма. Преимущественно возникает вследствие «неполноценного» (хоть мне и не нравится этот термин) заражения человека. По мере прогрессирования вируса и вместе с тем отказа от крови постепенно утрачивает контроль над поведением, высшими когнитивными функциями и социальной адаптацией. Отличается крайне выраженной зависимостью от человеческой крови. Несмотря на распространённое мнение, варги не являются отдельным биологическим видом. Скорее представляют собой иную, более сложную и тяжёлую форму течения заболевания.

Валколáк — принято считать низшей формой вампиризма. Термин появился в документах Стражей Фидеи в XX веке из-за ошибочной записи, очевидно, чешского слова *vlkodlak* как *valcolacus*, а позже закрепился как научный термин для вампирского подвида. Валколаки отличаются чрезвычайной физической силой, высокой скоростью, но при этом низкой манёвренностью и адаптацией, а также способностью к частичной либо полной звериной трансформации. Характерной особенностью является практически абсолютная преданность высшим вампирам, напоминающая врождённый поведенческий рефлекс.

Нимрóд(«бунт против воли Бога») — вампир-воитель, охотник. Существующих наблюдений недостаточно, чтобы с

уверенностью отнести к отдельному подвиду. По всей вероятности представляет собой потомка ихоров, сумевшего сохранить человеческое мировоззрение при всех физиологических преимуществах высших вампиров. Отличается высокой устойчивостью к жажде крови, однако подобное самоограничение неизбежно приводит к тяжёлым физическим и психическим последствиям. Отрицает собственную природу, являясь естественным противником большинства известных форм вампиризма.

II. Названия и термины

Стражи Фидеи(лат. *Fidei Custodes* — «*Стражи Веры*») — организация охотников на вампиров, специализировавшаяся на поиске и уничтожении вампиров, представляющих угрозу населению. Ныне на государственном уровне признана опасной террористической организацией и запрещена. В прошлом кандидаты в Стражи проходили многолетнюю подготовку, включавшую боевую, медицинскую, психологическую и богословскую дисциплины. В отличие от большинства военных формирований, Стражи обучались действовать малыми автономными группами, полагаясь прежде всего на разведку, скрытность и знание физиологии противника.

Примечание: за всю историю существования Стражей достоверно подтверждено огромное количество случаев успешной ликвидации высших вампиров. Поэтому эффективность организации следует оценивать как объёмом на-

копленных знаний о бессмертных, так и количеством уничтоженных целей.

Фонд Святого Освальда— международное научно-исследовательское общество, занимающееся изучением природы вампиризма. Несмотря на присутствие его сотрудников во многих странах мира, основные исследования традиционно сосредоточены в Великобритании, где исторически наблюдается наибольшее разнообразие известных форм вампиризма. Основными направлениями деятельности являются физиология бессмертных, механизмы передачи вампиризма, разработка средств защиты от солнечного света, а также создание биологических препаратов, ядов и иных веществ, способных воздействовать на бессмертных. Конечные цели организации остаются неизвестными даже многим её сотрудникам.

Примечание: вампиры представляют для Фонда прежде всего научный интерес. Их сотрудники редко руководствуются ненавистью или состраданием, предпочитая рассматривать любой известный вид как объект исследования. Именно членам Фонда принадлежат наиболее значимые открытия в области физиологии ихоров и природы вампиризма.

Вампиризм— инфекционное заболевание, вызываемое высокоагрессивным ретровирусом *VHV (Vampiric Hemoviral Virus)*. После заражения вирус встраивается в геном носителя, а затем стремительно трансформирует работу большинства систем организма. Наиболее выраженные му-

тации наблюдаются в кроветворении, обмене веществ, нервной системе и процессах регенерации тканей. Несмотря на значительный объём накопленных данных, многие механизмы действия VHV остаются недостаточно изученными. Вирус имеет неизвестное происхождение, а также сохраняется в организме пожизненно, делая заболевание неизлечимым.

III. Имена

Эрмен Маккарти(полное имя *Эрменхелль*) — единственный на данный момент известный мне нимрод. Бывший лидер Стражей Фидеи. Прекрасный охотник на вампиров. Предпочитает решать проблему прежде, чем успевает её как следует изучить.

Альберт Бра́наган Риц — автор заметок. Специализация — гематология, хирургия. Подвид — ихор.

Глава I Преследуя тень

Холодный вечерний дождь крупными каплями заливал мостовую. Высокий стройный джентльмен, завернувшись в длинный плащ и сжимая до побелевших костяшек зонт, вглядывался в первые загорающиеся огоньки света в домах по ту сторону Темзы. Слева чёрной громадой возвышался Тауэрский мост, в сиянии вечерних огней и дымки от проливного дождя выглядевший уныло, и своим видом отпугивал надоедливых туристов. Погода позволяла густобородому мужчине в плаще наслаждаться столь редким, а оттого и ценным одиночеством посреди огромного, никогда не засыпающего мегаполиса. Этот промёрзший город был отравлен смрадным воздухом сточных канав, выхлопных газов и ресторанов быстрого питания; воздухом грязи и бедности, отходов и гнили. Но даже самой глубокой ночью здесь кипела жизнь. Всегда. Бесконечно.

Где-то вдалеке плотное чёрное небо на миг пополам рассекла молния, а за ней раздался гром. Под мостом, у самой воды, почти слившись с темнотой, бессвязно выругался бездомный. Мужчина повёл головой на звук, и в ту же секунду у реки мелькнула тень. Крепкая, хорошо сложенная фигура — словно высеченный из камня неподвижный монумент — не дрогнула, лишь бледная ладонь вокруг рукоятки зонта сжалась плотнее. Как по команде фонари осветили чёткие кон-

туры угловатого лица, обнажая перед невидимым зрителем светло-голубые, почти серые глаза, острый, кривой из-за переломов нос с поперечным шрамом почти у самой переносицы и строгий профиль, мгновение взирающий в сторону моста. Свободной рукой он поправил котелок на макушке, повернулся к грозной холодной Темзе спиной и двинулся по мостовой прочь. Вдали по-прежнему время от времени сверкала молния, а сквозь шум дождя пробивался гром, словно сотрясая мир и порядок, но пьяного сквернословия больше не было слышно. Вместо него донеслось иное: тошнотворное чавканье и бешеный стук вдруг ожившего сердца. В воздухе витал голод и утомление охотой, стойкое омерзение от очередного поглощения некачественной, отравленной алко-голем крови немощного бродяги. В конце концов всё сводилось к одному — к *жажде*. Бесконечной, непрекращающейся *жажде*. Джентльмен в котелке, одиноко шедший под дождём, прекрасно знал её вкус.

«Пожертвуй донорскую кровь на благо общества», — откровенно гласила надпись на рекламном щите у остановки, куда подошёл мужчина. Мрачным взглядом из-под своего головного убора он молча осмотрел баннер и вновь спрятал глаза. Дождь барабанил по стеклянной крыше, и под этот равномерный, магнетический звук статная фигура в плаще задумалась о чём-то явно безрадостном. Когда же напротив остановился автобус, направлявшийся в Хитроу, он сложил зонт, снял котелок, поправил чёрные как смоль волосы и не

торопясь зашёл в салон. До посадки на самолёт оставалось около трёх часов. Впервые за несколько десятилетий он покидал Лондон — своё, пусть и чересчур многолюдное пристанище.

Заняв место в последнем ряду, джентльмен опустил зонт к ногам и замер. Немногочисленные пассажиры в салоне не обращали на него никакого внимания, и он мог вновь посвятить себя и своё время тяжёлым думам. За окном мелькали здания, величественные, но выглядевшие в тот час, в ледяном холоде и отрешённости, зловеще. Дождливый декабрь две тысячи девятнадцатого года подходил к концу, а вместе с ним покидали это место и последние надежды на мирное, неомрачённое бедствиями и кровью будущее.

Выйдя из автобуса на последней остановке — аэропорт Хитроу — мужчина одёрнул плащ, и полы его развеялись на ветру, словно огромные вороны крылья цвета сажи. Вновь надев на голову котелок, он глубоко вдохнул: в воздухе смешались различные ароматы, щедро разбавленные вонью от резины самолётных шасси и дыма. Так же, как и в городе, повсюду веяло кровью и жаждой: из каждого закутка, буквально в каждом пролёте, в каждом прохожем, за каждым углом. Кровь пульсировала, струилась в телах одних, в то время как нестерпимое желание её отведать горело в разуме и естестве других.

Лишь с помощью огромной силы воли приглушив собственные инстинкты, темноволосый мужчина зашагал впе-

рѐд, в здание терминала. Получасом позже, пройдя процедуру регистрации, он зашёл в зал ожидания. Сняв плащ с котелком и оставшись в одном жилете поверх классической белой рубашки, сел напротив огромных панорамных окон, выходящих прямо на взлётно-посадочные полосы. Обострённое зрение позволяло ему увидеть многое, вот и тогда он наблюдал, как падающие с неба снежинки под воздействием температуры превращались в дождевые капли вперемешку со льдом и оседали на фюзеляж ближайшего к окну авиалайнера.

Каждой клеткой кожи он ощущал присутствие в зале таких же, как он, с огромным трудом сдерживающих жажду. Некоторые из них даже наблюдали за ним, но он не придавал этому значения. Отведя взгляд от окна, брюнет достал из кармана брюк телефон и внимательно посмотрел на экран. «Новые открытия в области гематологии. Талантливый учёный и хирург Альберт Бранаган Риц рассказывает о своих исследованиях», — прочитал он заголовок одной из новостей.

Со стороны оставалось незаметным, но на самом деле он, со свойственным ему холодным рационализмом, обдумывал свои дальнейшие действия, прекрасно зная, что предотвратить то, что грядёт, невозможно. Он не питал иллюзий относительно обстоятельств вынужденной поездки, места, куда направлялся, а также опасности, которая ожидала его по прибытии. Но как бы ни старался, он не мог спрогнозиро-

вать следующий шаг. Он не виделся много лет. А следовательно, — о чём он знал почти наверняка — события могли развиваться самым непредсказуемым образом.

Через сорок пять минут по громкой связи объявили о начале посадки на рейс. Джентльмен убрал телефон, перекинул плащ через руку, поднял зонт с котелком, повисшим на рукояти, и медленно зашагал к нужному выходу. Ещё четверть часа спустя, заняв своё место в салоне бизнес-класса, он прикрыл глаза и постарался расслабиться, желая, чтобы время хотя бы единожды за всю его долгую жизнь над ним смилостивилось и побежало быстрее. Для него было настоящим испытанием находиться с людьми в закрытом пространстве, откуда не выйти на ходу и никуда не сбежать — даже каких-то жалких полтора часа.

Не успели шасси оторваться от земли, как его замутило. Он сжал болезненно пульсирующие виски, а когда молодая бортпроводница спросила, нужна ли ему помощь, хрипло отказался. С трудом пытаясь восстановить пульс, мужчина откинулся на спинку кресла. Когда самолёт поднялся выше, открыл глаза и повернул голову.

Вглядываясь через иллюминатор в огни уплывающего вдаль города, в бескрайний kaleidoscope света и тьмы, дождя, обратившегося снегом, и облаков, он убеждал себя, что пути назад нет; что всё не напрасно; что сдерживание собственного зверя того действительно стоило... Ради общего блага, ради спокойствия, мира и тихой жизни в уединении,

ради... И всё же тщетно. Каждой частицей души и тела, всем своим естеством он отчётливо ощущал теперь кровь и слышал сердцебиения: то спокойные и ровные, как будто им ничего не угрожало, то учащённые от страха. Неизвестность перед полётом в небе взывала к базовым инстинктам безопасности и заставляла пульс ускоряться. Такое биение слышалось отчётливее прочих: как у жертвы, загнанной хищником в ловушку. Это сводило его, самого хищника, с ума. Запах, что он вдыхал ноздрями, стук сердец, что улавливал обострившийся слух. Он чётко представлял глаза десятков невинных пассажиров, собравшихся слетать в Дублин на выходные, полные в этот момент ужаса перед блуждающей где-то совсем близко смертью — возможным крушением и неминуемой гибелью в огне и мучительной агонии... Это сковывало разум, заставляло сжимать челюсти и скрежетать зубами и не отпускало до самой посадки, заставляя плоть мучиться, а совесть страшиться собственных порывов. А когда самолёт наконец сел по ту сторону моря, его настигла мертвенная тишина, и помимо крови мужчина чётко распознал другой вкус — вкус боли и ужаса, что пророчило будущее.

Тонкий прилив всё чётче рисовал линию между водой и сухим песком, где мелькали редкие ракушки. Воздух наполнял аромат соли, водорослей и пыли старой дороги, которая вела от гавани вдоль побережья. Изгибаясь, дорога поднималась к отвесным скалам, откуда открывался вид на кажущее-

ся чёрным в ту пасмурную ночь Кельтское море. Со стороны порта виднелись покачивающиеся из стороны в сторону на ветру яхты и рыболовные лодки, от которых даже на дальнем расстоянии несло йодом и морской растительностью.

На уступах скал обустроились чайки, пучками сидя то тут, то там и глядя на буйное море безразличным взглядом. С неба хаотично и как бы судорожно срывался снег, а порывы ветра гнали его наискось к серым утёсам, отчего ночной воздух холодел с каждым часом. На вершине он был пронзительным, заставлял промерзать до костей, сдувал всё на своём пути, так что даже человеку с трудом удавалось бы устоять на своих двоих. Запах же, доносимый до возвышенности, придавал суровой зимней мрачности южных берегов острова особую характерность, пробуждал у знающих эти места ностальгическую, загадочную тоску по забытой родине.

Оттуда, с отвесных скал, по тонкой извилистой тропе спускался мужчина. Он всякий раз перед сменой в порту поднимался по этому пути, подолгу наслаждался видами сверху и так же неспешно шёл обратно. От порывистого ветра его спасала поношенная рабочая куртка, непродуваемые штаны и крепко зашнурованные армейские ботинки. Уже много лет он работал ночным охранником на пристани, где владельцы разных рыболовных компаний пришвартовывали свои судна.

В посёлке среди приезжих ходила легенда о том, что порт у дальнего пляжа проклят, а на маяке на скалах живёт При-

зрачный Клык. Это существо пробуждается в полнолуние и уводит заблудившихся посетителей к обрыву, где те под гипнозом прыгают вниз, в бездонное море, и тонут. Клыком же его прозвали, потому что некоторые туристы видели бродящего рядом огромного чёрного пса и следы от укусов на телах утопленников.

Несчастные случаи действительно происходили, бедняги разбивались или тонули. Однако, как считали местные жители, причиной было не какое-то проклятие или мистический призрак, а само место, что привлекало своей легкодоступностью людей, склонных к мыслям о смерти. И всё же споявлением легенды местные власти собирались возвести на границе скал высокий забор, но инициатива так и повисла в воздухе, потому что новости о жертвах Призрачного Клыка внезапно перестали приходить.

Впрочем, туман таинственности, окружавший восточное побережье, нередко привлекал к порту и маяку подростков, особенно в тёмное время суток, а потому пешая прогулка вдоль скал по пляжу была не просто любимым занятием охранника пристани, а добровольным делом, которому тот посвящал каждые полчаса перед заступлением на смену вот уже несколько лет подряд. Ни мораль, ни долг не способны были больше влиять на его выбор, ведь от них давно он сознательно отказался. Им двигала лишь неприязнь к надоедливой частоте, с которой люди наносили визиты его уединённому логову, где запах йода и рыбы и бурная водная сти-

хия так сильно напоминали ему о детстве, проведённом им в этих краях.

«Э. М.» — поставил инициалы в дневнике дежурств мужчина, после чего снял с крючка фонарь, поправил кобуру под курткой и отправился со стороны поста на обход по всей линии побережья.

Места, по которым он ходил, теперь выглядели иначе. Озираясь по сторонам, он всюду видел бетонные плиты и сплошные стены — порабощённый камень, — пока не вышел на некогда дикий, а нынче «облагороженный» пляж. Его встретила крошечная темнота, а в ней тихий шорох засыпающих птиц и шум волн. Он замедлил шаг, пытаясь расслышать что-то подозрительное, направил свет фонаря в ночь, но ответом ему стал лишь хаотично кружащийся снег да ветер, обдающий ледяным холодом. В гавани буря казалась лишь отголоском настоящей стихии, вода здесь мягче наплывала на землю, как бы ласково её оберегая.

Охранник всё шёл вперёд, не оглядываясь, но прислушиваясь. Пройдя ещё метров десять, он вдруг замер: вовсе не услышать ему удалось, но *почувствовать*. Это были не заигравшиеся подростки и не птицы, а ему подобный. Мужчина выключил фонарь и инстинктивно коснулся кобуры через куртку. Несмотря на то, что прошло много лет, реакции его не подводили: он успешно сконцентрировался на чувстве, которое ему удалось уловить раньше. Присел. Принюхался. И, не учуяв крови, понял, что хищник не добрался до

жертвы... либо преследовал не её. Он крадучись направился к кустам можжевельника у пыльной протоптанной дороги, как вдруг, откуда ни возьмись, раздался собачий лай, и навстречу ему выбежал огромный чёрный пёс. Завидев мужчину, он помчался прямо на него. Служащий порта застыл на месте как вкопанный, глядя на тёмную тень и видя перед собой мелькающие в ночи челюсти, но в следующую секунду зверь пробежал мимо. Остановившись у него за спиной, зарычал в темноту, туда, где над утёсом склонялись сухие деревья, накрывавшие тенью мокрый песок. Ледяная дрожь прошибла всё тело мужчины. Он вдохнул... выдохнул... и одним молниеносным движением достал из кобуры Glock, направив его в пустоту. Что-то задвигалось в глухой темноте под скалами, у самого берега. Сжав кулаки, он приготовился стрелять, однако движение исчезло так же неожиданно, как появилось, и из тени ему навстречу вышла высокая фигура в плаще. На голове у незнакомца сидел старомодный котелок, а из-под него виднелись тонкие губы, обрамлённые густой бородой. Эти губы приоткрылись и до боли знакомым голосом негромко произнесли:

— Так это ты тот самый Призрачный Клык, о котором здесь все болтают.

Чёрный пёс оскалился и зарычал в ответ, когда незнакомец осмелился шагнуть вперёд. «Стой, где стоишь», — читалось в его горящих огнём янтарных глазах, как отражалось и в мыслях его хозяина, и в дуле пистолета, по-прежнему на-

ведённом на незваного гостя.

— Это ведь твоя псина, — продолжил неизвестный уверенно и вновь бесшумно шагнул вперёд. Пёс ошетинился и издал предупреждающий лай. — Вот оно что. У такого зверя не может быть хозяина, верно? Он лишь принимает в свою стаю человека или же... — незнакомец растянул губы-нити в кривоватой ухмылке, блеснув острыми клыками, а затем медленно, смакуя слова на языке, закончил фразу: — Уничтожает его.

Охранник прекрасно знал, с каким существом имел дело. Он тихо прошептал что-то себе под нос, перекрестился, а затем снял глок с предохранителя и спустил курок. В следующую секунду прозвучал выстрел. Пуля стремительно пронеслась вперёд, рассекла воздух и врезалась в скалу. На том месте, где стоял незнакомец, пыль смешалась с песком и поднялась в воздух, создав непроглядное облако. Не успел мужчина дёрнуться, как тёмная фигура возникла прямо перед ним и с силой отшвырнула огромного лающего пса к скалам, словно тряпичную куклу. Очередной выстрел прогремел в ночи, но вновь не достиг своей цели. Перед глазами охранника порта мелькнул ворот чёрного плаща и сквозь блеск острых, смертельно опасных клыков прозвучало:

— Ты совершенно не изменился, Эрмен Маккарти.

— Как и ты, упырь. По-прежнему носишь свою уродскую шляпу, — прохрипел он в ответ севшим от морского ветра голосом и тут же направил дуло пистолета в лоб мужчине.

Котелок сорвался и упал с головы на песок, позволив бледному лунному свету озарить чёткие контуры лица: выраженные скулы, заострённый нос с горбинкой и поперечным шрамом почти у самой переносицы. Светло-голубые, почти серые глаза широко распахнулись, а тонкие губы приоткрылись.

— Ты не посмеешь, — голос его, прозвучавший рычанием откуда-то из глубины груди, обладал такой внушительной мощностью, что заглушал шум моря и бешеный стук сердца. В мертвенно-бледных глазах же не было страха. Никогда. Ни перед кем. Даже перед лицом смерти.

— О, ещё как посмею, Альберт Бранаган Риц, — ответил Эрмен и нажал на курок.

Тем же утром на берегу, у подножия скал близ деревни Данмор-Ист, несколько туристов обнаружили следы крови. Самая молодая из них, девушка лет девятнадцати, завизжала от ужаса и прижалась к груди мужчины. Ледяной ветер подхватил её пронзительный визг и донёс до маяка на дальней стороне утёса, где под сводчатым потолком фонарной комнаты, окровавленные и измождённые от длительного противостояния, лежали двое. На щеке у одного медленно затягивалась рваная рана от пронёсшейся практически мимо, но всё же задевшей пули, а второй шипел и корчился от боли в сломанной лодыжке: кости срастались куда мучительнее, чем затягивались кожные покровы.

Эрмен понимал, что не мог тягаться с Рицем в своём те-

кущем состоянии, на долгие годы сознательно отказавшийся от человеческой крови, пусть даже и изредка предлагаемой некоторыми смертными добровольно. Тело оказалось слабо, рефлексy притуплены, реакции замедлены. Иными словами, противник двигался и действовал куда быстрее. Он лишь успел изрезать его плоть охотничьим ножом, в то время как тот одним мощным хватом добрался до скелета. У него не было шансов, а потому, не раздумывая, он метнулся к скалам. Риц догнал его на самой вершине маяка, так что фонарь оказался их общей ловушкой.

— Скоро сквозь тучи проступит прямой солнечный свет, и тебе — конец, грёбанный ты кровосос, — рычал Эрмен, хватаясь за лодыжку.

— В таком случае мы встретим этот конец вместе, — тяжело дыша, отозвался Альберт, — ведь мы с тобой в одинаковом положении, в этой чёртовой, полностью застеклённой комнатухе под фонарём, моё дитя.

— Не зови меня так, ублюдок!

— Тебя разозлило только это? Всегда поражался твоему навыку расставлять приоритеты.

Маккарти метнул на мужчину яростный взгляд, дёрнулся было в его сторону, но тут же упал на четвереньки и согнулся от боли.

— Не трать силы. Заживёт быстрее. А пока Расскажи мне, что ты забыл в этой глуши? Решил, что здесь можно сосать себе кровь спокойно, и никто тебя за этим делом не заметит?

Слова Рица взбесили охранника лишь сильнее, но физически противостоять врагу он не мог: силы восстанавливались крайне медленно, всё его естество кричало о наступлении утра. Ему не хотелось объясняться, он жаждал унижить противника если не кулаками, то словами, однако в красноречии за свою долгую жизнь так и не преуспел, а потому выдал первое грязное ругательство, которое пришло ему на ум: — Ёбаный мудак, — и сплюнул.

— Как остроумно, — ухмыльнулся, помолчал, затем продолжил: — И всё же мне интересно, как так вышло, что именно ты — Призрачный Клык? С виду весь такой святоша, не способен даже мухи обидеть, а вот «упыря», как ты выражаешься, прикончить — это пустяк. Что ж, логично. Ведь упырь куда страшнее и опаснее мухи...

Ответа не последовало. Браняган Риц болезненно зашипел и притронулся к шее, где из-под ворота плаща виднелась самая глубокая продольная рана от ножа.

— Почти святой охотник... убийца вампиров, — несмотря на муки регенерации, благоговейно смаковал на языке слова Альберт. — Конечно, если не брать во внимание твой неопрятный вид, привычку курить и харкаться, а также абсолютно отвратительнейшую манеру сквернословить. Ну так что?

За большими окнами фонарной комнаты беспощадно светлело, но плотное, густое марево не пропускало прямые солнечные лучи, обволакивая собой четырёхэтажную баш-

ню. После бури в восточной части побережья туман был явлением нередким, и старый маяк указывал путь большим судам и крошечным рыболовным лодкам, на рассвете уходящим в море. Двое мужчин, оказавшихся под одним куполом тем утром, долго молчали, пока один из них всё же не заговорил:

— Никакой я не Призрачный Клык. Точнее, не тот, о ком ты говоришь.

— То есть не ты убиваешь людей?

— Людей убивает монстр... Я — не монстр.

В следующую секунду Альберт Риц разразился смехом. Схватившись за шею, он хохотал с хрипом и свистом из лёгких. Хохотал так, будто ему только что рассказали самую смешную шутку на свете. Эрмен же, завалившись на бок, всё это время хмуро на него глядел. В конце концов раны и побои дали о себе знать, и мужчина в плаще закашлялся. Сплюнув алую слюну, он достал из нагрудного кармана платок и утёр им губы и бороду: так абсурдно это выдавало его аристократическое происхождение, ведь при этом сам он весь был в грязи, песке и крови.

— Зверь не кто-то иной. Зверь в нас самих. — Он посмотрел на Маккарти серьёзно. — Что ты делаешь в Данмор-Исте, охотник?

— Я здесь живу. А вот что здесь забыл ты, ублюдок?

— Я? — Риц криво усмехнулся. — Приехал за тобой.

Через полчаса тусклый свет, пробившись через туман, на-

конец залил пустое фонарное помещение. В гавани стоял мёртвый штиль, и вода спокойно набегала на берег, мягко лаская скалы и дно пришвартованных лодок. Порт ещё не проснулся, когда охранник вернулся на свой пост. У пристани его ждал пёс. Только увидев хозяина, он подскочил и метнулся к нему. Эрмен Маккарти потрепал его по голове, оставил в миске требуху, накануне вечером любезно предложенную ему хозяйкой местного рыбного магазина, и быстро спрятался от надвигающегося солнечного света в каморке. Там он сорвал с себя куртку, испачканную кровью врага и своей собственной, уселся поудобнее, закинул ноги на стол и вскоре задремал.

Вечером, как только вновь стемнело, охранник покинул пост и встретил на пирсе Альберта. Теперь на нём было другое пальто с поднятым воротом, защищающим от ветра, а на голове — тёмно-серая восьмиклинка. Склонившись над чёрным псом, он гладил его по макушке как ни в чём не бывало.

— Клык! — позвал животное Эрмен, и тот, покинув незваного гостя, подбежал к своему хозяину.

— Имя точно не вызывает подозрений, — сказал Риц, в ту же секунду оказавшийся рядом.

— Разве ты уже не должен сидеть в своём особняке в Лондоне, копать в пробирках или высасывать чью-нибудь кровь исключительно в лечебных целях? Убирайся отсюда.

— Ты нужен мне в Лондоне. Возвращайся. И тогда я снова смогу копать в своих пробирках и лечить людей. А ты —

снова на меня охотиться. Или на таких, как я.

— Я больше этим не занимаюсь.

— Ложь. Исключительно с целью самообмана. Ты обманываешь в первую очередь самого себя, Маккарти. Охотиться на вампиров — твоя природа.

— В десятиmillionном городе, где на каждом шагу камеры, глаза и уши службы по борьбе с терроризмом. Прямо на виду у тебя. Будучи вампиром.

Альберт помолчал, смотря куда-то вдаль. Затем он опустил взгляд на Клыка и ответил:

— Да, именно так.

К полуночи погода испортилась и над морем вновь собрались грозовые тучи. Эрмен оставил Альберта Рица на пристани и, — возможно поспешно, — пока тот вглядывался нечитаемым взором в свинцовое Кельтское море, умело скрылся меж перевёрнутых лодок за складскими помещениями.

Густая тьма уже спустилась со скал и обволокла посёлок, когда Маккарти добрался до небольшого одноэтажного дома, заросшего плющом. С виду заброшенное здание располагалось на окраине Данмор-Иста, откуда открывался вид на склоны и саму деревню, окружённую скалами. Вдали вода разрезала землю пополам, протекая внутрь острова и венами разливаясь по его туловищу. Это место служило как бы южным «входом» в Ирландию благодаря одной из рек-сестёр

Бербе, берущей начало в невысоких горах Слив Блум в самом сердце Эрин¹ и сливающейся внизу с Кельтским морем.

Через полчаса начался ливень и во всём посёлке погас свет. Эрмен запер дверь, зажёл свечу и проверил подвешенные тушки кроликов, с которых в большой чан на полу стекали последние капли. Затем взял кружку, набрал в неё крови и принялся пить залпом, словно это был слегка забродивший эль.

Та ночь в Данмор-Исте оказалась мрачнее некуда: накрывшая всю гавань тьма стала плотной, и в ней обычный человек с трудом мог различить хоть что-то. Но только не ихор, такой, как Альберт Бранаган Риц. Ихоры, или высшие вампиры, обладали поразительным ночным зрением и способны были видеть даже в крошечной мгле на десятки километров вперёд. Впрочем, помимо этого, у учёного-гематолога, приехавшего из Лондона в южно-ирландскую деревушку, было много других способностей, в том числе и хорошо развитое чутьё. Оно и подсказывало Альберту, что такая темнота не была простой случайностью. Кто-то или что-то пыталось подать ему сигнал, как тогда, в годы войны, на поле боя... Грядущий один за другим шторм казался ему — пережившему столь многое — недобрым знаком.

Отдалившись от деревни на приличное расстояние, туда,

¹ Другое название Ирландии, происходит от имени древнеирландской богини Эриу.

где заканчивалась мгла, вампир обострил чувства, что в разы превосходили человеческие, и застыл в ожидании. Оттуда, со скал, он мог различить всё, что было таким типично-ирландским. Лодки, чёрное море, такое же небо, скалы, серые склоны и белёные дома с соломенными крышами. Перед ним открылся весь посёлок, утопленный в тумане, и ни следа охотника.

— Что ж, навыки ты свои не растерял, — сказал темноволосый джентльмен в тишину.

Так и не учуяв ничего, кроме запаха йода и ледяного воздуха перед штормом, он выдохнул и закашлялся: от переизбытка соли и сырости частое дыхание давалось с большим трудом, но было необходимо для обнаружения опасности.

Чёрный пёс следовал за Альбертом по пятам с самого порта, догоняя даже тогда, когда тот использовал свою сверхъестественную скорость. Он перепрыгивал через высокие кусты, проползал под поваленными деревьями и постоянно маячил перед глазами вампира.

— Он приставил тебя следить за мной, не так ли? Что ж, ничего ты этим не добьёшься.

Закончив осматривать посёлок с окраин, Риц медленным шагом направлялся в гостиницу, расположившуюся в живописном уголке Данмор-Иста, на пологом склоне. Порывистый предштормовой ветер трепал полы длинного пальто и заставлял придерживать восьмиклинку, чтобы та не улетела прочь. Клык шёл рядом, плохая погода не доставляла ему

неудобств: он невозмутимо подставлял морду промозглому дыханию зимы.

Войдя в широкие стеклянные двери, Риц занёс за собой в просторный зал ветер и снег. Сняв головной убор, он принялся стряхивать с него налипший лёд, как вдруг его прервало хриплое замечание со стойки регистрации:

— С животными нельзя. — Альберт опустил взгляд и увидел Клыка, проскользнувшего в помещение вслед за ним.

— Так ведь я ваш постоялец. А пёс это не мой, — ответил Альберт, невинно приподняв ровные брови.

— Да мне по барабану, — пробормотала женщина с чистейшем ирландским акцентом в монитор перед собой. — Оставьте это лохматое чудище за дверью и только потом входите.

— Слушай, Эри, а это разве не Клык, пёс нашего портового охранника? — спросил у неё сидевший в дальнем углу зала мужчина. Тучная ирландка оторвала взгляд от монитора и, уперевшись руками в бока, сначала с головы до ног рассмотрела незнакомца, затем — сопровождавшее его животное.

— И правда, похож. Берни, а ведь сегодня по прогнозу обещали шторм. Надеюсь, Эрмен уже вернулся со смены. Ты к нему не заглядывал? — Когда мужчина покачал головой, она обратилась к Альберту: — Где вы псину-то эту откопали, сэр?

— Он увязался за мной на пляже, во время прогулки.

— Ох, не попал ли наш охранник в беду? — распережи-

валась Эри.

— Послушайте, миссис... — Риц взглянул на её необъятную грудь в поисках бейджика, но, не найдя его, вздохнул: — Впрочем, неважно.

Клык вдруг подскочил и замельтешил перед дверью, негромко при этом скуля и завывая.

— Боги, уж не случилось ли чего? — причитала женщина.

Альберт беглым взглядом оценил мрачную картину за стеклянной дверью: деревья от ветра клонились к самой земле, а снег смешивался с влагой и превращался в колючий лёд. Вновь тяжело вздохнув от безысходности, Риц обругал Эрмена наиболее паскудными из слов, которые мог себе позволить истинный английский джентльмен, подошёл вплотную к стойке регистрации и произнёс хриплым, но твёрдым тоном:

— Слушайте меня внимательно, Эри, — его глаза блеснули алым светом в полумраке зала. — Я прямо сейчас верну пса его хозяину и заодно проверю, всё ли с ним в порядке, если вы поведаете мне, *где он живёт*.

Вскоре после того, как Клык, а за ним и Альберт выбежали наружу, начался ливень, и следом в деревушке отключилось электричество. Чёрный пёс громко взвыл в пустоту и сорвался с места, исчезая далеко впереди. Одежда на Рице мгновенно промокла насквозь, ветер же пробрал до самых костей, когда он полетел сквозь мглу и шторм. Теперь перед ним было чёткое направление. Он мчался в то место, назван-

ное под гипнозом тучной ирландкой по имени Эри, мчался в тот дом, к *нему*, потому как уже точно знал: что-то произошло. Сердце в груди колотилось громко, быстро, причиняя странную, но знакомую боль: он снова слышал древний *зов*. Это был не простой голос в его подсознании, а настоящая *мольба*, но не та, что он прежде слышал от своих жертв, а первобытная, сломленная годами абстиненции и гордости, сдерживаемая ограничениями и запретами, а теперь вырвавшаяся наружу. Но почему? Что заставило *его* воззвать к помощи своего создателя?

Дверь одиноко стоящего на окраине деревни дома оказалась распахнута. Это было жилище вампира, так что Риц спокойно вошёл, согнувшись под низкой дверной рамой. Внутри не было ни души, мебель и скудные предметы быта перевёрнуты или разбиты, и среди этого хаоса бродил, вынюхивая след хозяина, Клык. Пол в одной из комнат был залит кровью, а в ней валялись кроличьи тушки. Альберт сбросил с себя отяжелевшее пальто и широким движением кисти пригладил назад прилипшие ко лбу влажные волосы. Он сосредоточился на собственных инстинктах и прикрыл веки, а когда открыл их вновь, от прежнего спокойного светло-голубого взгляда ничего не осталось. Белки глаз почернели, а сосуды в них полопались и пробежали тонкими нитями до суженного зрачка в центре багровой радужки. Такое «демоническое» зрение, присущее его виду, открывало новые возможности в охоте, поглощении жертв или поиске следов.

Суженные зрачки позволяли видеть ещё дальше и нередко даже сквозь стены. Это был охотничий инстинкт. Во время применения этого особого навыка в глазах ихора всё вокруг мгновенно становилось тусклым, почти серым, в то время как артерии внутри смертных и ночных существ, по которым текла кровь, пульсировали и, выделяясь, «горели» особенно ярко. Благодаря своему зрению высший вампир мог чётко распознавать сердцебиения и с точностью хищника обнаруживать жертву.

Используя эту способность, ихор распознал в кроличьей крови и другую, смешанную с ней кровь высшего существа, такого же, как он. Её оттенок и стойкий аромат был несравним ни с чем иным; именно он всегда и приводил его на поле очередного сражения за жизнь единственного потомка. Даже когда тот не просил. Даже когда находился на грани жизни и смерти.

Дверь оставалась открытой, а ветер остужал пролитую на пол кровь и дыбом поднимал чёрную шерсть на спине ошестинившегося зверя, в то время как Альберт шёл по следу и вскоре нашёл Эрмена на открытом пространстве возле полуразваленного амбара в паре километров от дома. Создатель увидел своего потомка сражающимся, но почти поверженным и окружённым врагами со всех сторон.

Они послали своих сторожевых псов: с десятков кровожадных валколаков, способных принимать человеческий облик для маскировки. Именно этих вампиров Риц заметил ещё

в аэропорту Хитроу. В действительности же человеческого в них практически не было. Порабощённая зверем воля... Полная победа одного, абсолютное поражение другого. Мужчин и женщин валколаков в подчинении у высших вампиров отличало огромное телосложение: крепкие руки и ноги, большая голова и мощнейшая сила. В ярости же, когда жажда крови ощущалась в них наиболее стойко, их мышцы раздувались, лица вытягивались подобно волчьей пасти, а тела становились ещё больше. Особенно погрузившиеся в безумство особи превращались в монстров, окончательно теряли любое сходство с людьми, покрываясь грубой чёрной шерстью, и имели устрашающие челюсти с двумя рядами клыков, а также острые длинные когти.

Что же до их цели... был ли ею сам Риц или те изначально выслеживали свою самую ценную добычу — Стража, главаря охотников на вампиров, в тот момент для Альберта не имело никакого значения. Его личной целью стало спасение этого самого Стража, за которым он проделал весь путь от Лондона до Дублина и затем на юг, в Данмор-Ист. Сплетаясь в смертоносном танце когтей и клыков, ихор думал лишь об одном — защитить единственного потомка и своего личного врага во что бы то ни стало. Ночь позволяла ему пользоваться древней силой, и всё же, если бы не охотник, изрядно вымотавший монстров и продолжавший из последних сил сопротивляться, Риц сам оказался бы в ловушке.

Чтобы сражаться с валколаками, Альберт соткал из соб-

ственной плоти и крови оружие — острое копьё, явление первобытной тёмной магии, принадлежавшей тем из высших вампиров, чья кровь была невероятно сильна. В следующую секунду вампир тенью метнулся к двум ближайшим противникам и со всей силы пронзил их головы насквозь, да так, что зверь, стоявший позади, повалил переднего, и вместе они упали мордами в окрашенный багряным песок под собой. Поле битвы поглотили кровавые всполохи. Вампиры, не ожидавшие появления высшего, поражённые копьём, падали один за другим наземь, где их зловещие морды яростно раздирал пёс, защищающий своего хозяина. Но ни копыя, ни лезвия мечей не могли сразить бессмертных, и Альберт знал, что этот бой был заранее проигран. На исходе схватки дождь утих, превратившись в мелкую морось. Когда же последний валколак пал, а предшествовавшие ему начали постепенно подниматься, ихора вдруг схватил за плечо Эрмен. Он ослаб от потери крови, и раны его теперь не заживали из-за отречения от крови смертных, однако всё ещё стоял на ногах. Найдя опору и продолжая держаться за Рица, он вдруг свободной рукой швырнул ему за спину откуда-то взявшуюся открытую канистру с бензином. Затем, отпустив Альберта, достал из уцелевшего кармана порванной куртки сигарету, закурил и отправил включённую зажигалку вслед за ёмкостью. Пламя немедленно вспыхнуло, и со стороны поля недавней битвы послышался душераздирающий рёв сгорающих живо монстров.

— Лучший способ уничтожить зверя — сжечь его, — неожиданно отозвался Маккарти и сплюнул. Помолчав, он перевёл взгляд на Рица. — Значит, ты прихватил с собой дружков? Славно, что я подготовился заранее. Чуйка меня не подвела. — Он мотнул головой в сторону амбара, возле которого ихор только теперь заметил ржавый пикап и несколько бочек с топливом. Альберт вернул изумлённый взгляд на охотника: в его голубых глазах отражалось пламя, а лицо время от времени закрывали клубы сигаретного дыма. Вид у него был настолько бледный, что, казалось, вот-вот начнёт просвечивать. Через секунду к ним подошёл Клык и лизнул хозяину руку.

— Во имя Творца, — Эрмен поморщился и вдруг выпустил сигарету из зубов. Та упала в мокрый песок и потухла. Охотник покачнулся, но Альберт удержал его за плечи, позволив осесть на землю. — Теперь доволен? — вяло пошевелил губами он. Глаза закатились, а губы мертвенно-бледного цвета приоткрылись. Маккарти терял сознание.

— Тебе нужна кровь, — со всей серьёзностью врача сказал Риц.

— Чёрта с два.

Риц его не слушал. Закатав рукав промокшей до локтя рубашки, он прокусил собственное запястье и протянул руку вампиру.

— Помалкивай и пей.

Сопротивляться жажде в столь незавидном положении,

особенно когда спасительная влага оказывалась так близко, было бесполезно. Эрмен скривился, но когда Альберт придвинул кисть к его губам и кровь коснулась плоти, жадно впился клыками в укус.

«Кровь отнимает жизнь, но она же её и дарит», — прозвучал голос в мыслях у охотника.

Маккарти ощутил тот самый вкус, особенный для каждого потомка. Вкус крови ихора, создателя, сира для дитя-вампира, не мог сравниться ни с чем. Не вызывая столь безумный голод, как кровь смертных, он сладким нектаром разливался по венам, даря долгожданное расслабление и покой.

— Пей, охотник... Пей, дитя, — глухо повторял Альберт, одновременно с силой наполняя и болью воспоминаний о былом. Эрмен прикрыл глаза. В конце концов, прошлого было не вернуть, но и забыть его не удалось: теперь оно стояло прямо перед ним, протягивая ему руку.

— Так, значит, вот где ты жил всё это время, — констатировал Альберт Риц, ещё раз осмотрев убежище охотника, когда мужчины покинули сгоревшее до тла место сражения с валколаками и вернулись в дом. — Впрочем, здесь довольно уютно, — он пнул носком ботинка кроличью тушку.

Эрмен достал из уцелевшего шкафа бутылку с алой жидкостью и быстро её опустошил. Затем тяжело опустился на стул, потеряв руками виски.

— Тебе нужна человеческая. Даже моей будет недостаточ-

но.

— Проваливай, — не глядя на Альберта, пробубнил Маккарти.

— Только если ты поедешь со мной. Ты видел их, Эрменхелль. Ты сражался с ними. *Они* пришлют новые отряды. Рано или поздно тебя достанут, потому что ты — мой потомок.

— Переживай за свою шкуру, не за мою.

— Мне нужна грубая сила. Рядом со мной, в Лондоне. Всю свою жизнь и даже после смерти ты сражался с такими, как мы. Ты *и есть* один из нас. Никто лучше тебя не знает методов борьбы. И никто, кроме тебя, не сможет противостоять угрозе, нависшей над Лондоном и всем миром.

— Что-то я не улавливаю, упырь, ты хочешь защитить себя или чёртв мир?

— Без второго невозможно первое. Без равновесия мне не вернуться к спокойной жизни. Бессмертным нужны мои знания и исследования. Правительство вынуждает меня участвовать в проекте по созданию искусственной крови. С ней в руках город, который ты некогда пытался защитить, будет полностью во власти высших вампиров.

Шторм стих, и за приоткрытым окном слышался умиротворяющий шум волн. Охотник мрачно посмотрел на вампира, в глазах которого отчётливо отразилась надежда, однако он с непоколебимой уверенностью в собственных словах и сильнейшим презрением, свойственным ему в отношении кровопийц, заявил:

— Твои проблемы меня не касаются, *доктор*. Можешь хоть целую вечность здесь проторчать. Моё решение останется неизменным.

Глава II Призрачный Клык

На следующую ночь доктор вновь явился к охраннику в порт без предупреждения.

— Я уезжаю завтра.

— Ты пришёл, только чтобы сказать мне об этом? Мой ответ остаётся прежним.

— Я пришёл попрощаться.

Сильнейший для южных берегов Ирландии мороз ударил в рыбацкой деревушке Данмор-Ист следующим вечером. Оставив кровать в беспорядке, а окно, выходившее на бескрайние морские просторы, открытым, Альберт Бранаган Риц покинул роскошный гостиничный номер и в половине девятого уехал на такси в Дублин. Двумя часами позже из той же комнаты, пошатываясь, вышла молодая горничная с ровным точным следом от клыков на шее, окровавленным воротником расстёгнутой на две пуговицы рубашки и совершенно потерянным видом. В девять часов охранник местного порта заступил на смену, предварительно за полчаса до этого обойдя весь пляж и проводив мрачным взглядом покидающее территорию гостиницы такси. Затем он, как обычно, записал свои инициалы в журнал, покормил пса и принялся смотреть на море через форточку в будке так, будто это было какое-то унылое телевизионное шоу.

Ближе к полуночи со стороны маяка слышался душе-

раздирающий, нечеловеческий женский вой — настолько пронзительный и безумный, что тёмная вода залива, казалось, содрогнулась. Эрмен Маккарти выскочил из своей тесной каморки и повернулся на звук, эхом донёсшийся вниз. Его слух уловил зловещие отголоски, стекавшие вниз по каменистым уступам, но в сгущающейся мгле он не различил ни единого движения.

Не раздумывая, ведомый инстинктом охоты, он метнулся вперёд, тенью преодолевая большое расстояние за считанные секунды. Адреналин тут же вскипел в нём, кровь создателя, выпитая двумя ночами ранее, подарила силу и скорость. Эта сила гнала его вперёд, но даже она не могла заглушить растущий в груди ледяной ужас. Он добрался до вершины за мгновение, — слишком быстрое для простого смертного, — но там никого не оказалось: ни на открытой местности у маяка, ни вокруг него. Он был один, яростный, но сбитый с толку, посреди унылой безжизненной пустоты. Вокруг царила предательская тишина, которую время от времени разрезал холодный и будто бы совсем далёкий шум волн.

Тогда Маккарти подошёл к самому обрыву и вдруг застыл на месте, поражённый. Он увидел скалы, окрашенные кровью, словно небрежными мазками кисти по холсту. На камнях, будто скользкие водоросли после шторма, нитями повисли человеческие внутренности. Само же тело несчастного, вернее, его останки, уносило от берега ледяным отливом.

А над утёсом, сорвавшись с деревьев, взмыли вороны — вездесущие предвестники смерти.

Глядя на ужасающую своей кровожадностью картину, Эрмен осознавал: то, что сотворило эту кровавую бойню, было не человеком и даже не обычным порождением ночи. По долгу своей бывшей профессии он знал — сколь бы ни были жестоки вампиры, они не испытывали жажды к столь варварскому уничтожению и не получали удовольствия от расчленения добычи. Это был почерк свирепого чудовища — зверя, потерявшего рассудок и ставшего рабом первобытной ярости. Эрмен понял: ночь выпустила на свободу не просто-го хищника. Она породила нечто худшее.

И хотя на своём охотничьем пути он встречал немало монстров, особо упивающихся смертью, кое-что в этот раз его смущало. Почему убийство отличалось своей чудовищностью от остальных и произошло только теперь, после того как деревню покинул знаменитый Альберт Бранеган Риц? Он стал размышлять, были ли связаны эти события, и если да, то насколько тесно, а также остались ли в посёлке другие валколаки, чьих сородичей он не сжёг. Эти мысли раз за разом крутились у него в голове, пока вдруг не послышалось эхо, принесённое ветром, — кто-то из жителей внизу заметил окрашенные багровым камни и взвыл от ужаса. Но было в этом звуке и что-то ещё... Такое же древнее, как сам мир, такое же неудержимое и яростное, как сам хаос. Отголоском грядущего оно шептало ему свою страшную мелодию:

«Да наступит час Ненависти, да спадёт венец из камней и пробудится Великая Мать, да унесёт жизни и посеет зерно тьмы Она, да, коли дети Её не подчинятся, придёт конец сущему...»

— Да-да, снова чёртов апокалипсис, — выругался Эрмен. — Ты бы лучше вышел, мудила, показал, что из себя представляешь, чем из кустов бормотать.

Нимрод, как его век назад прозвали ихоры, или вампир-охотник, не верил ни в какие зловещие предзнаменования. Он верил в факты и собственное чутьё. Поморщившись, он опустил взгляд, так и не ощутив присутствия другого бессмертного. На пожухлой траве у самого края утёса охотник различил каплю крови, поймал её пальцем и опустил на язык. Глубоко и хмуро задумался. Затем сплюнул в чёрное море и закурил. Он *помнил* этот вкус. Тот совершенно точно принадлежал мужчине.

— Кто же тогда, чёрт бы тебя побрал, только что здесь кричал? — обратился он к ветру и тяжело выдохнул дым из лёгких.

Через четверть часа стеклянные двери гостиницы звякнули, уведомляя о посетителе.

— Эрмен! Давненько ты не заходил, — спохватилась тучная ирландка за стойкой регистрации, но, заметив мрачный вид ночного посетителя, осеклась: — Что случилось?

Проигнорировав вопрос, он направился в кабинет, чтобы убедиться в своих подозрениях.

— Берни ушёл на вечернюю службу в церковь Святого Андрея и ещё не вернулся, — опередила его Эри.

Вампир замер перед дверью заведующего гостиницы — порядочного и доброжелательного мужчины, которого знала вся деревня, образцового мужа, которому не повезло с самого переезда в Данмор-Ист. Приехав с севера Ирландии, чтобы построить свой бизнес на юге, вскоре он женился на злобной, завистливой и циничной женщине, вызвав сочувствие и полнейшее непонимание со стороны других жителей. Но ведь любовь не знала предрассудков. Так и Берни: он и слышать не желал тех слов, которые нашёптывали ему жители посёлка. В конце концов оставив дверь закрытой, Маккарти вздохнул и мрачно пробормотал:

— Боюсь, что он уже не вернётся.

Так и не найдя ни единого следа убийцы, после смены Эрмен побрёл по старому извилистому пути через всё побережье и дальше по долине вверх, мимо полей в небольшой лес. Мороз сковал деревья, и в серой предрассветной дымке они выглядели словно костлявые скрюченные старушечьи пальцы. Мужчина то прислушивался к каждому шороху, к каждому крику птиц, то принимался, то всматривался в плотную тьму, которая, казалось, и не думала отступать перед рассветом. Он прекрасно знал, что тварь могла поджидать где угодно: как в деревне у домов наивных смертных, так и на отшибе. Поимка врага обещала быть утомительной и дол-

гой, и Эрмен принял решение начать с простого — привлечь внимание. Клык следовал за ним по пятам и тихо скулил, глядя умными глазами, когда Эрмен останавливался, чтобы оставить кровавый след на дереве или камне. Ценой скольких жертв обошлась бы ему удача в этой охоте — было ему неизвестно. Да и не так важно. Он знал, что за всё приходилось платить.

Пройдя ещё несколько километров, Маккарти понял, что тварь на приманку вестись не собиралась, и продолжать поиски в лесу было бессмысленно. Зажав зубами сигарету, он достал из внутреннего кармана потёртый блокнот с ручкой и, рассуждая вслух, стал записывать свои наблюдения:

— Пол — женский. Вид — неизвестно. Хитрость... пусть будет шесть, а там посмотрим. Ярость — десять из десяти. Вероятнее всего, тварь крайне опасна. Затаилась в деревне среди жителей, — закончив писать, вернул блокнот на место и взглянул на Клыка: — Судя по всему, решила оставить меня на десерт.

Он знал, что следующей ночью враг вернётся и утащит за собой ещё одну жертву, но возвращаться было слишком поздно. Утро наконец почти вступило в свои права, и на горизонте начинало светлеть. Эрмен, натянув на голову капюшон, тенью исчез за деревьями. Клык повёл головой в ту же сторону и метнулся следом.

За лесом, по другую сторону чёрного утёса, на фоне грохочущих волн и хриплого крика чаек из тумана возникла фи-

гура и ступила на сырой песок. Ветер трепал ткань капюшона, будто желая разорвать её, но Эрмен шёл, не обращая внимания. Сапоги хлюпали по воде, пока он подходил к покосившемуся дому на берегу — призраку из прошлого. Деревянные доски почернели от времени и соли, окон не было, а крыша обвалилась, но дом всё ещё стоял. Как стояла и вековая, не зажившая до конца боль в его груди. Он остановился перед дверью, коснулся потрескавшегося косяка. В нос ударил запах плесени, соли и чего-то иного... призрачного, невесомого. Пригнувшись, нимрод шагнул внутрь.

Этот дом на отшибе деревни когда-то был полон жизни: запаха жареной трески, смеха, звука деревянных половиц, скрипящих под босыми ногами. Отец семейства, рыболов с грубыми, но добрыми руками, каждый вечер сидел у очага, рассказывая байки. Мать варила уху и звала сыновей к столу — старшего, Уоррена, серьёзного и надёжного, и самого Эрмена, ещё совсем ребёнка. Тепло и свет — вот чем был для них тот дом.

Маккарти провёл ладонью по шершавой поверхности каменного очага. В ту проклятую ночь всё кануло в бездну, а привычный и уютный мир рухнул. Ту ночь он не забывал никогда: ни на секунду, ни на мгновение своей обречённой на вечные муки и скитания жизни. Всё случилось в этой самой комнате, некогда просторной и яркой из-за больших окон. Кровавая картина вновь возникла перед его глазами, и он *услышал*. Крики. Разбитая посуда. Тщетные попытки зако-

лотить двери. Жуткий хруст костей. Тошнотворное чавканье.

Отец приводил знакомого торговца в дом. Тогда никто из них и не подозревал. Эрмен видел всё. Он спрятался под полом и дрожал от ужаса, зажав рот ладонью, чтобы не закричать. Он видел, как мать, обескровленная, с бледным лицом и стеклянными глазами рухнула на пол. Видел, как отец вырвался из их когтей и бросился к ней, обнимая и рыдая, как душераздирающе кричал, когда ему впивались в шею. Он видел, как чёрная тень, тот самый торговец, склонился над Уорреном, как блеснули в темноте клыки, а после — как он напоил его старшего брата своей отравленной кровью. Мир для Эрмена в тот миг навсегда заполнился кровью, болью, смертью. Они знали, что в доме жили четверо. Одно из существ огляделось, будто хищник, выслеживающий добычу, принюхалось, и тут взгляд его упал на деревянный пол. Испуганные глаза мальчика встретились с глазами твари — тёмными, полными голода, сверкающими в полумраке. В ушах стучал пульс, сердце колотилось так яростно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Тишина стала невыносимой — её заполнял лишь стук сердца загнанного в угол ребёнка. Монстр издевательски оскалился и неторопливо, но уверенно шагнул к половицам, под которыми прятался Эрмен. Но вдруг снаружи раздались крики и выстрелы. Тварь резко дёрнулась на звук и в ту же секунду исчезла, словно растворилась в воздухе. Будто ничего и не было. Лишь кровь, как напоминание,

лилась капля за каплей, просачивалась под пол, пачкала лицо и руки Эрмена.

Он выбрался из своего укрытия под утро. Вокруг лежали тела родителей и брата. Горе стиснуло сердце своими крепкими безжалостными лапами. Он стонал, кричал, звал на помощь, но всё было бесполезно. И тогда он понял, что нужно бежать. Прочь из родного дома. Прочь из мира, обернувшегося для него настоящим адом на земле. Сорвав с груди отца крест, не глядя на мать, он уже выбежал на крыльцо, как вдруг за ним скрипнули доски. Эрмен быстро обернулся и увидел своего брата, живого, стоящего в двери. Надежда — несбыточная и трепетная — загорелась в глазах Эрмена и тут же испарилась, унесённая морским ветром. Это был уже не Уоррен, не его брат. Чернильные глаза смотрели кровавадно, в них не было больше ни души, ни света. Губы дёрнулись, и Уоррен по-звериному зашипел, обнажив клыки. Перепуганный, в крови собственных родителей, Эрмен остался один на один с чудовищем. Уоррен, нечеловечески быстрый, схватил его и мощной силой прижал к дверному косяку. В следующий миг клыки впились в плоть. Нестерпимая боль пронзила всё тело — настолько сильная, что перед глазами потемнело. Дёргая ногами в воздухе, он молил о помощи, но никто не приходил, не спешил его спасать. То, что так сильно напугало Эрмена той ночью, ожило и грозило его убить. Он уже представил себя там, лежащим с ледяными трупами родителей, бледным, с распахнутыми невидящими глаза-

ми, мёртвым, но тут первые лучи солнца осветили крыльцо. Они прожгли кожу Уоррена, и тот оторвался от шеи брата, завопил, стал прикрываться руками, метаться из стороны в сторону. Эрмен вырвался и бросился в холодный утренний прибой, к лодке отца, на которой уплыл в деревню. Там он и встретил его, лидера Стражей Фидеи и охотника на вампиров, — Карла Эшфорда. Тот помог, приютил, а позже поведал Маккарти о существах, которые убили его родителей, а также о том, как преследовал их и в конце концов убил. В тот же самый день прежний Эрмен умер и родился новый — с желанием уничтожить тварей ночи, всех до единой.

Нимрод сжал в руке крест, подвешенный на бечёвке, и осел на пол под обвалившейся крышей, там, куда не доставали солнечные лучи. Сгорбившись, спрятал лицо в ладонях и замер. С побережья донёсся собачий лай, а через минуту мокрый нос уткнулся в руку женщины, лизнул её. Эрмен почесал Клыка за ухом и, взглянув в его умные глаза, сказал:

— Ты прав. Сейчас для этого не время. — Он вновь мрачно посмотрел на то, что осталось от его прошлого. Дом стал местом его конца... и начала. Он вспомнил Англию. Лидера Стражей, который спас и забрал к себе, привёл в «новый дом». Вспомнил кровавые, безжалостные тренировки. Плевки в лицо, подзатыльники, бесконечные драки за уважение. Будущий охотник стал частью стаи, среди таких же, как и он, — искалеченных, ожесточённых. Там учили не защищать, а лишь убивать.

В семнадцать он вернулся. Некогда родной дом у моря стоял на месте, изменилось лишь одно — в нём умерло прежнее тепло. Уоррен всё ещё был там, ни живой, но и не мертвец — чудовище, воплощение его ночных кошмаров. В бою Эрмен серебряным мечом хладнокровно отсек голову тому, кто когда-то был его братом. Посвящение было завершено. С того дня, с первым убийством монстра, он стал Стражем Фидеи, защитником не смертных, а собственной Веры. Веры в возмездие, вершил которое он собственной рукой и клинком. Став лидером, он продолжал дело Карла: уничтожал вампиров без сожаления, без страха, без покаяния. Просто — методично.

И всё же... укрывшись от солнца среди руин своего прошлого, охотник вновь ощущал то, что душило его, терзало и мучило годами. Он чувствовал, что свет внутри него дрожит и постепенно гаснет с того момента, как стал одним из тех самых монстров, которых поклялся уничтожать. Потерять человечность, лишиться самого себя, полностью покорившись зверю, — вот что было для него страшнее всего.

Когда начало темнеть, Эрмен взял лопату, которую оставлял здесь ещё два года назад, и отправился за дом. Там, глубоко в земле, было похоронено его прошлое. Воткнув штык лопаты перпендикулярно в землю, он закурил и сказал в пустоту:

— Пушкой эту тварь явно не остановить. Здесь понадобится оружие другого рода.

Эрмен никогда не охотился вслепую, его метод был построен на трёх принципах: наблюдение, приманка, удар. Он не бросался в бой необдуманно, без предварительных замечаний и без плана, чему, как лидер, учил раньше и других охотников. На собственном опыте мужчина понял, как важно знать своего врага, а потому *изучал*. Будучи вампиром, он прекрасно знал, что другие вампиры оставляли следы: неочевидные, но читаемые для тех, кто умеет видеть. Подозрительное затишье. Запах металла, едва ощутимый в воздухе. Страх в глазах животных — собак, кошек, крыс... Он знал, где смотреть, куда встать, чтобы ветер донёс запах крови. Он мог слышать чужие разговоры, в которых люди неосознанно называли то, чего боятся, видеть с большого расстояния то, чего смертные увидеть не могут. И, конечно, он всегда искал тишину — места, где слишком уж спокойно. Именно там обычно и поджидала смерть. Разумеется, случались и громкие убийства: кровавые оргии с десятками убитых, жертвоприношения, пытки, насилие — так в основном развлекались высшие вампиры, они это любили. Но в этот раз убийца не был ихором. И хотя совершённые преступления и носили демонстративный характер, их истинная цель была иной.

Что касается приманки, ею не всегда являлась крысиная кровь или собственная. Чем хитрее и сильнее враг, тем значимее требовалась жертва. Иногда ею становился случайный смертный — пешка в чужой игре, которой охотники жертво-

вали ради большей цели. Эрмен был готов на всё ради удачной охоты. Если приманка не срабатывала, — а случалось это редко, — он полагался на то, что подводило его ещё реже: собственное вампирское чутьё. Искать кровососа для такого, как он, для нимрода, было проще простого. Он чуял кровь, видел малейшие следы, различал крики, стоны, ритмы чужих сердец. Иными словами, всегда был на шаг впереди. Но не в этот раз. В этот раз тварь не оставила ни единого следа. Она словно *испарилась*.

Маккарти был уверен, что монстр, охваченный слепой яростью, придёт за следующей жертвой, и был готов. Он пришёл к ней, чтобы поймать убийцу, но, к его удивлению, её не оказалось дома.

— Куда могла пойти женщина, одна, глубокой ночью, будучи в трауре по зверски убитому мужу? — проворчал он и обратился к псу: — Сидеть. Жди здесь.

Охотник брёл по улице — хмурый, взъерошенный как чёрт; задумчивый и одинокий, словно врубелевский демон. Улицы мрачные, под ногами мокро от растаявшего снега. Получасом позднее скрипнула дверь в единственный открытый паб, и колокольчик уведомил о посетителе.

— Эрмен, твою мать! — воскликнул пятидесятилетний владелец заведения. — Ты меня чуть до смерти не напугал, ну и вид у тебя. Дьявол... — и скривился недовольно. — Ты когда последний раз на себя в зеркало глядел?

— Ирландский виски, Том, — бросил Маккарти, опуска-

ясь за стол у окна и оглядываясь по сторонам. На поясе у него брякнули ножны. Кроме охотника, в пабе больше никого не было. — Как-то у тебя немногочлюдно, в вечер-то пятницы.

— Так ведь все этого психопата боятся. Ну, который Берни нашего... — поставив бокал виски перед охотником, он поджал губы и умолк. Затем, уже тише, продолжил: — Многие скорбят. Он был хорошим человеком.

— Да... Я знаю. — Эрмен залпом проглотил напиток. Он знал, что позже ему станет плохо и виски придётся выbleвать, но ничего не мог с собой поделать — пристрастие выпивать никуда не делось, а даже усилилось, когда он обрёл бессмертие. Том опустил взгляд и настороженно спросил:

— Зачем тебе меч?

— Затем, что Берни убил не человек, Том. А теперь скажи-ка мне вот что: ты, случайно, не знаешь, куда, чёрт возьми, подевалась его жена?

Вместо ответа в паб с грохотом отворилась дверь, и внутрь ввалился Кормак — один из местных рыбаков.

— Помогите, мужики... — простонал он. В глазах у него отражался полнейший ужас, а на бледных губах застыл крик. — Лизи... Моя Лизи... — только и смог выдавить он, но Эрмену этого было достаточно. Он сорвался с места и, словно выпущенная из ружья пуля, вылетел из паба. Дом Кормака находился напротив, так что нимрод добрался туда за мгновение. На крыльце остановился, обострил слух, зрение и обоняние. В нос резко ударил густой запах крови, и он тут

же зажал ноздри рукой. Жажда всколыхнулась в нём, стоило только почувствовать столь сильный аромат. Он пытался подавить её, как делал это раньше, но манящая близость к источнику делала это почти невозможным. Ещё совсем свежая. Тёплая. Дарящая силу... и жизнь. Внутренности скрутило от боли. Тяжёлый судорожный вдох. Такой же выдох. Вены на лице вздулись, почернели, глаза заполнил хищный голод. Губы едва заметно приоткрылись, обнажая клыки, плоть уже предвкушала вкус предстоящего пиршества, подчиняясь инстинктам.

Эрмен припал к стене, собираясь с силами в попытке сделать шаг. В крови было утоплено всё: стены, пол, мебель... Разум словно издевался над ним: он рисовал, как нимрод ползёт на четвереньках, как жадно глотает алый нектар, как пожирает его вместе с внутренностями, разбросанными повсюду, как впитывает вместе с ними страдания несчастной. Сквозь эту мучительную агонию до него донеслись полные боли и мук причитания мужчины:

— Её... освежали... Мою жену... Мою Лизи выпотрошили, как животное... — Кормак, шатаясь, вышел из паба, упал на колени, запрокинул голову к чёрному небу и зарыдал. Плач был таким пронзительным, что вскоре к дому начали подтягиваться встревоженные жители. Том, вышедший следом, сжал рукой его плечо и опустил глаза. Люди обступили беднягу, пытаясь утешить его, но при этом бросали испуганные взгляды на дом, где той ночью произошло зверское

убийство жены рыбака, горничной из отеля.

Эрмен слышал каждый всхлип, каждый шаг, каждый шёпот — но не реагировал. Сознание словно отключилось, но при этом он продолжал стоять, прислонившись к стене, пытаясь сдержать ярость и голод, рвущиеся наружу. Вампир почувствовал, как челюсть сжалась до хруста, как клыки оголились, а когти медленно удлинились, вонзились в кожу, и это заставило его разум пробудиться. Он осознал, что уже не сможет поймать убийцу той ночью. Охота не состоялась. Тварь хорошо знала, с кем имеет дело. Она постаралась, устроив резню с особой жестокостью, почти ритуальной, с наслаждением, желая заманить охотника в ловушку. Это была демонстрация. Игра.

У дома уже собиралась толпа любопытных. Люди подходили ближе, кто-то всхлипывал, кто-то крестился, другие шептались. Вечно молчаливая старуха, перекрестившись трижды, вдруг пробормотала:

— Это не людское... Это древнее.

Том обернулся на неё, нахмурился:

— Что ты сказала?

Но та лишь покачала головой и замолкла. Эрмен уже едва слышал их. Он вошёл в дом, чтобы победить самого себя. Там он остался один на один с кровью, со своим зверем в борьбе с беспощадной жадой. И там он её одолел. При виде освежёванного трупа, пустых глазниц, которые познали смерть раньше, чем она наступила, жажда начала отступать.

Она оторвалась от него так же нехотя, с таким же липким чавканьем, как клыки отрывались от плоти. Охотник задумал собственного зверя. Снова. Сердцебиение замедлилось. Клыки втянулись, а взгляд прояснился. Ненависть к монстрам была сильнее его ненависти к самому себе. Он стиснул зубы, но уже не от голода.

— Тебе меня не одолеть, тварь, — выплюнул Эрмен, уже не зная, к кому обращается — к зверю внутри себя или к убийце. Победа над собой стоила дорого. Он выстоял перед искушением, перед самой сутью своей природы, но вновь потерял след. За порогом — ни пятна крови, будто монстр парил над землёй. Нимрод достал блокнот, сделал запись и ушёл прочь из дома, не глядя на пол. Он не стал чудовищем, но чудовище было где-то совсем рядом: наблюдало и смеялось.

— «Очередное убийство, потрясающее своей кровожадностью, было совершено в маленькой деревушке Данм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.